

DOI: 10.15393/j9.art.2008.274

Л. Г. Дорофеева

Калининград

**ИДЕЯ СПАСЕНИЯ
В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»
И «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКЕ» А. С. ПУШКИНА**

Происхождение русской словесности из Священного Предания и Священного Писания является фактом историческим и неотменяемым. Общеизвестно, что начинается древнерусская книжность с переводов Священных текстов, которые формируют социокультурный и другие контексты, что, в свою очередь, порождает новые произведения словесности, также относящиеся к сфере Священного Предания¹. И этот процесс не ограничивается древнерусским периодом, а продолжается непрерывно вплоть до наших дней, выражаясь в вершинных произведениях русской классики и формируя ее основной *духовный контекст*.

«Слово о полку Игореве» и «Капитанская дочка» как высшие проявления национальной литературной традиции, несомненно, должны находиться в одном духовном пространстве и включать его в себя. Между тем вопрос о внутренней связи этих произведений и их генетической принадлежности к единому духовному источнику, а именно Священному Преданию, остается актуальным, так как не рассматривался специально.

Заметим, что понятия Священного Предания в литературоведении нет, по крайней мере, его использование

© Дорофеева Л. Г., 2008

¹ См. об этом: *Киселева М. С.* Учение книжное. Текст и контекст древнерусской книжности. М., 2000. С. 14—15.

крайне ограничено. В литературоведческих словарях термин «предание» трактуется либо очень широко и несколько «размыто», в связи с понятием традиции², либо узко, как обозначение народно-поэтического жанра³, который включает в себя, наряду с другими, предание церковное. Евангелие же разводит это понятие на Священное (сакральное) и человеческое (профанное)⁴. С точки зрения собственно догматической «"Священное Предание" — второй из двух первоисточников христианской веры — учение Христа и апостолов, преподанное ими в церкви устно, позже записанное»⁶.

Не обозначая всей полноты содержания этого богословского по своему происхождению термина, мы ограничимся рассмотрением центральной в христианском вероучении идеи спасения, которая определяет основную цель христианской жизни, и сосредоточимся только на одном понятии — *воли*. Оно является одним из ключевых в православном учении о спасении и основным в сюжетостроении интересующих нас произведений.

Прежде всего, определим, какое значение имеет слово «воля» в контексте Священного Предания, аксиологическое поле которого включает в себя неизменную, данную в Откровении и воплощенную в Священном Писании, иерархию ценностей, в которой оно имеет свое строго определенное место и свой смысл.

А. М. Камчатнов в своей монографии «История и герменевтика славянской Библии» обращается к проблеме «реконструкции не дошедшего до нас кирилло-мефодиевского перевода Священного Писания» и в отношении к слову *воля* устанавливает, что славянское *воля*, как и греческое слово, относятся к выражению одной и той же эйдетической сферы — «намерений, волевой устремленности, желаний». Слова *желание* —

въздержание — въсхотѣти «являются вариантами кирилловской редакции и относятся

² «"Уважение к преданию", "умной старине" (А. С. Пушкин), духовная причастность к ценностям прошлой культуры — условия органичной и полной приобщенности писателей к традиции» (Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 444).

³ Там же. С. 303.

⁴ «Зачем вы преступаете заповедь Божию ради предания вашего» (Мф. 15:2); «но тщетно чтут меня, уча учениям, заповедям человеческим» (Мф. 15:6).

⁵ Полный православный энциклопедический словарь. Т. II. Репринтное издание. М., 1992. С. 1888.

228

к душевным (не духовным) переживаниям, значит природным, не данным свыше, и означают состояние желанья чего-либо, склонность к чему-либо, похоть», то есть связаны с жизнью души, сердца⁶.

Выводы А. М. Камчатнова соответствуют учению о воле в православной антропологии, в соответствии с которым воля есть свойство именно *души*, а не духа. В определении В. Н. Лосского «воля есть действенная сила разумной природы»⁷. Она сама по себе не есть зло, но проводник зла: «Зло вошло в мир через волю»⁸ (имеется в виду воля человека. — *Л. Д.*). Таким образом, воля — это та сила, которую направляет человек в соответствии со своим ценностным выбором: либо к добру, либо к злу. Но, по учению Святых Отцов, в человеке действуют три воли. В. Н. Лосский цитирует св. преп. Серафима Саровского:

Одна воля — Божия и спасительная, совершенная; вторая воля — человеческая, которая, не будучи обязательно вредоносной, не является также и спасительной сама по себе; третья воля — бесовская, ищущая нашей гибели. В этом смысле грехопадение есть «самоопределение свободной воли,

момент нравственный... и личный⁹.

Такое понимание воли закреплялось, утверждалось в сознании русского человека не только чтением Священного Писания, но и ежедневным употреблением православных молитв, что относится к сфере Священного Предания. Уже первая Господня молитва, данная Им Самим, — «Отче наш» — в самой середине своей содержит слова «да будет воля Твоя яко на небеси и на земли», и в этой фразе идеально выражена формула соединения воли — человека с Божественной.

Обращаясь к «Слову о полку Игореве» и «Капитанской дочке», нам важно выявить, в какой мере сохраняется такое, закрепленное в православной традиции, понимание воли, как оно связано с идеей спасения в христианском смысле этого слова, а значит, принадлежат ли они к единому *духовному контексту*.

«Слово о полку Игореве», созданное в конце XII века, принадлежащее своей эпохе, несмотря на специфику его

⁶ Камчатнов А. М. История и герменевтика славянской Библии. М.: Наука, 1998. С. 170—171, 174.

⁷ Лосский В. Н. Очерк мистического богословия. Догматическое богословие. М., 1991. С. 97.

⁸ Там же. С. 98.

⁹ Там же. С. 99—100.

как произведения «светского» характера, несет в себе и все черты, свойственные древнерусской книжности. По утверждению А. Н. Ужанкова, «вся древнерусская литература до 40-х годов XVII в. — православна по своему духу, по своей направленности...»¹⁰. Главной целью древнерусского писателя-христианина было спасение души и, соответственно, главной идеей произведений древнерусской словесности становилась

идея спасения. О том, что «Слово о полку Игореве» воплощает христианское мировоззрение, а не языческое и не двоеверие, уже сказано современными исследователями¹¹. По мнению Р. Пиккио, чтобы преодолеть «вековые предубеждения» относительно мировоззрения автора, следует «поместить "Слово о полку Игореве" в его естественный религиозный контекст»¹². В этот период «естественным религиозным контекстом» и было православие. Текст древнерусской словесности становился местом встречи древнерусского автора со Священным Преданием, был тем художественным пространством, на котором происходило освоение его содержания. Поскольку *воля*, в соответствии с православным учением о человеке, без ее направленности к добру или ко злу не несет никакого оценочного содержания, то и в древнерусских текстах мы обнаруживаем, что слово «хочу» может означать и положительное, и негативное стремление. Но избрать «свою волю» (именно в этом словосочетании) в древнерусском тексте всегда имеет негативный оттенок, так как *своя воля*

¹⁰ Ужанков А. Н. О принципах построения истории русской литературы XI — первой трети XVIII в. М., 1996. С. 22.

¹¹ О связи «Слова о полку Игореве» со Священным Писанием см.: Перетц В. П. К изучению «Слова о полку Игореве». Л., 1926; О связи с другой христианской литературой и о типе религиозности автора см.: Клейн И. «Слово о полку Игореве» и апокалиптическая литература. (К постановке вопроса о топике древнерусской литературы) // «Слово о полку Игореве» и памятники древнерусской литературы. Труды Отдела др. русской литературы: XXXI / АН СССР Институт русской литературы (Пушкинский дом). Л., 1976; Ставиский Б. И. Мировоззрение автора «Слова о полку Игореве» и культура его времени // Труды Отдела древнерусской литературы АГ-1 СССР / Институт русской литературы (Пушкинский дом). Л., 1990; Есаулов И. А. Православный контекст понимания («Слово о законе и благодати» и «Слово о полку Игореве») // Есаулов И. А.

Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1995; Пиккио Р. «Слово о полку Игореве» как памятник религиозной литературы Древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы / РАН, Институт русской литературы (Пушкинский дом). СПб., 1997.

¹² Пиккио Р. Указ. соч. С. 443.

230

несет искаженность смертной плоти и страстной души, в которой уже «живет грех»¹³. В древнерусских житиях святых мы видим именно такое — должное с точки зрения Священного Предания — соотношение волей: воля Бога — на первом месте, воля святого — только в направлении к высшей воле, что выражается в разнообразных формах модальности, исключая словосочетание «моя воля». Тем самым всегда определен ценностный выбор святого, чем объясняется проявляемая им в телесных и духовных подвигах удивительная сила и активность в достижении цели — *спасения души*.

Идеей спасения организовано все художественное целое «Слова», как и остальные древнерусские тексты этого периода. Различие состоит в том, что эта идея здесь присутствует имплицитно, не являясь непосредственной целью автора, как это свойственно текстам, церковным по происхождению, например «Слову о законе и благодати» или житиям. Она организует духовное пространство, «третье измерение» (в терминологии И. А. Есаулова), то «аксиологическое поле», в которое помещается конкретно-историческое событие и благодаря которому это событие обретает духовное содержание. В «Слове» мы, несомненно, имеем дело не просто с «призывом к единению» русских князей перед лицом опасности или с идеей сильного централизованного государства, но с Откровением о русском пути, о цели и смысле русской жизни. Здесь есть призыв к единению, но и не только призыв. Здесь дан ответ: как, на основе чего возможно

единение и каково его содержание. Нам видятся здесь ответы о смысле русской истории на духовном уровне, и можно утверждать, что идея единения в «Слове» и призыв к нему решается в историческом плане; идея спасения — в трансисторическом. Соответственно в основе сюжетного развития — поход Игоря в его конкретно-историческом и нравственно-психологическом смысле; метасюжет составляет возвращение блудного сына (вернее, притча о блудном сыне), чему соответствует даже соотношение частей, этапов пути. И если в физическом пространстве текста «Слова» большую часть занимает описание похода, то в духовном аксиологическом пространстве

¹³ Это соответствует словам апостола Павла: «Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которое хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю» (Рим. 7, 15, 17—19).

наибольшее значение имеет возвращение Игоря, чему уделена незначительная по объему часть текста.

Автор «Слова» обращается к известной канонической средневековой схеме преображения грешного человека, которая выражена неявно — здесь нет изображения момента покаяния, исповеди. Тем более существенной становится роль смены сюжетных ситуаций как способа выражения авторской идеи. В начале повествования звучит речь Игоря, мы его «видим», ему даны характеристики со стороны автора и других героев, возвращение изображено в поступках. Бегство из плена дано в движении, оно происходит стремительно, пространство сокращается мгновенно, можно сказать, чудесно, для чего автор использует прием метаморфозы.

Ритм замедляется, становится торжественно эпическим, когда Игорь уже вернулся в Киев.

Притчевая основа сюжета организует и основные пространственные координаты, которые выражены в архетипах отчего дома, чужой дальней страны, утраченного по причине своеволия сыновства и затем обретенного по *возвращении*. Понятие возвращения в «Слове» благодаря духовному контексту евангельской притчи включает в себе не столько пространственное, сколько духовно-нравственное содержание — возвращение к истинным ценностям через отречение от своеволия и гордыни. Вот почему и Отечество — Русская земля — уже «не за холмом», и солнце не «застылает тьмой», а сияет на Русской земле, символично утверждая главную победу — в духовном выборе русского князя. Характерно, что тональность финальных сцен в «Слове» соответствует тональности финала притчи: радость обретения отцом сына (идея полного прощения) и сыном — дома (идея полного покаяния) звучит и во всеобщей радости обретения Русской землей вернувшегося князя Игоря.

Рассмотрим развитие основной сюжетной линии с момента проявления *воли*.

В «Слове» мы обнаруживаем несколько волей, которые по смыслу можно обозначить как «своя», «чужая» и Божья. При этом в центре внимания находится именно проблема «своей воли» (или своеволия), и соответственно образ Игоря занимает центральное положение. Путь Игоря нужно рассматривать с точки зрения его волеизъявления, мотивации поступков и в строгой последовательности событий (по принципу последовательного чтения).

232

Первый этап — принятия Игорем решения — все

определяющий. Автор при этом сразу дает оценку сделанному выбору. Прежде всего, подчеркивается проявление Игорем именно своей воли, что и выражается в многократном употреблении местоимения «свой»:

...скрепил ум силою *своею*... поострил сердце *свое* мужеством..., навел *свои* храбрые полки...¹⁴

При этом автор обращает внимание на следующее: выбор Игоря мотивируется его собственным, не подкрепленным ничем более представлением о том, что есть лучше. Последовательность изображаемых событий говорит за себя: слова «Луце жь потяту быти, неже полонену быти» произносятся после того, как «Игорь възрь» на солнце и увидел затмение, звучащее недобрым предзнаменованием. И потому все дальнейшее является только самоутверждением Игоря в своем желании:

...*хоиу*... копье приломити... *хоиу*... главу приложити... (С.52)

Особенно важна авторская оценка совершенного Игорем выбора, в которой звучит и духовный ответ о причине трагедии Русской земли:

...спаль князю умъ похоти, и жалость ему знамение заступи... (С. 52)

Перевод — «ум князя уступил желанию...» (С. 53) — не несет в себе оценки, которая заключена в древнерусском слове: «спаль» ум «похоти». Здесь, в соответствии с православным представлением о человеке, происходит нарушение иерархии устройства человеческого «состава», когда «умъ» (а в древнерусской традиции это не разум, не рассудок, не рации, а «духовные очи», ведение¹⁵) попадает в плен своему желанию («похоти»), то есть душевной страсти. В этот момент и происходит момент пленения Игоря, его воля перестает быть свободной, но не теряет *силы*, так как весь

дальнейший путь, до поражения и пленения, есть выражение *силы воли* Игоря. Только в оценке автора это есть *злая* воля, неверная, искажающая путь, который идет во тьму и во тьме. Эта сила для Игоря уже неодолима,

¹⁴ «Слово о полку Игореве» Л., 1970. С. 48. Здесь и далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием страниц в скобках. Слова внутри цитат выделены мной.

¹⁵ Ужанков А. Н. О принципах построения истории русской литературы XI — первой трети XVIII в. С. 33.

233

и во внешнем событийном ряду такое направление воли логично заканчивается тем, что он из «золотого» седла пересеживается в «кощиево», которое перевод дает как «рабское», «невольничье». Так сила *своей*, «по своему замыслению», воли ведет к *неволе*, плену. Таков путь Игоря в прямом его собственно-фабульном развитии. Причем авторская негативная оценка именно «своей» воли как своеволия проявляется много раз, подчеркнута выявлена не только в отношении к Игорю. Так, автор говорит о губительности «своей воли» в князьях, которые стали говорить: «...се мое, а то мое же» и потому «*сами на себе крамолу коваху*» (С. 74), в то время как «*погани сами... емляху дань*» (С. 74), что свидетельствует о полном разгуле своеволия, ведущего к хаосу — раздробленности, торжеству зла на Руси: «Тоска разлился по Русской земле; печаль жирна тече средь земли Рускыи» — это звучит своего рода лирический монолог автора, здесь есть прямая оценка походу Игоря, которого укоряют («кают») «немци и венедици, греци и морава» (С. 74). В логике сюжетного движения этот момент, который находится непосредственно перед «золотым словом» Святослава, очень напряжен. Речь идет обо всей Русской земле, для которой неволя Игоря оборачивается

утратой свободы: «...уже тресну нужда на волю» (перевод: «ударило насилие на свободу») (С. 79). Слово *воля* имеет тот внутренний смысловой объем, который включает и внешнюю, территориальную, и внутреннюю свободу.

В контексте произведения сон Святослава открывает духовный смысл поступка Игоря, а толкование сна дает конкретный ответ о причинах горя — «туги», которая «умь полонила»: «...два сокола слетеста с отня стола злата». Так являет себя трансисторический (или метафизический) сюжет о блудном сыне¹⁶. В «Золотом слове» Святослава расставляются ценностные акценты в отношении к поступку князей, которых он укоряет именно в своеволии:

Нъ рекосте: «Мужаймся сами, переднюю славу сами похитимъ, а заднюю си сами подълим!» — Но сказали вы: «Помужествуем сами, прошлую славу себе похитим, а будущую сами поделим!»

¹⁶ Параллель с притчей о блудном сыне подробно рассматривает В. М. Гаспаров в статье «Поэтика "Слова о полку Игореве"» (Wiener Slawisttscher Almanach. Wien, 1984. Bd. 12. С. 136).

234

И чуть ниже Святослав уже откровенно говорит о цене поступка Игоря: «Нъ се зло — княже ми непособие» (С. 82). Отметим, что поход Игоря находится в центре внимания до «Золотого слова» Святослава. Затем идет лирико-публицистическое авторское отступление — призыв к единению, одновременно заключающее в себе целый исторический экскурс о многих князьях. Таким образом, поход Игоря включается в широкий исторический контекст и осмысливается с точки зрения пути русской истории.

«Включает» же опять движение сюжета в план пути

Игоря Ярославна. Именно сразу после ее «плача-молитвы», в которой выражена и ее внутренняя воля, и ценностный выбор, и сила (но не своеволие), резко меняется путь Игоря. При этом он, на первый взгляд, как бы лишен воли. Перемены начались с изменения обстоятельств, что вне воли Игоря, но зато соединяясь с явлениями природы, выражает в них Свою волю Бог:

Прысну море в полнощи, вдуть сморци мъглами, Игореву князю *Бог путь кажетъ* изъ земли Половецкой на землю Рускую, ко *отню злату* столу (С. 100).

Весь дальнейший путь назад из плена свидетельствует о видимом «безволии» Игоря, или, лучше сказать, об отказе от «своей» воли, но соединении ее с волей Бога. Мы не встречаем здесь прямой речи героя, слова «хочу» и т. д. Игорь даже исполняет повеление Овлура, который «велитъ князю разумети: князю Игорю не быть (в плену. — *Л. Д.*)» (С. 102). При этом здесь выражено не просто личное желание Овлура. Мы видим, как гармонизируется выражение воли князя Святослава, Ярославны, природы и самого автора в соединении с волей Божией. Гзак и Кончак теперь бессильны. Автор подводит к мысли о том, что для Игоря враждебная сила заключена не столько в половцах, сколько в своеволии, в той «похоти», которая разрушает мир русской жизни, мир русской души.

Воля Игоря как своеволие и как сила обнаруживается только в соотнесенности с другими «волями». На уровне системы образов, участвующих в сюжетном развитии, для нас важны явления природы, которые либо активно «сопротивляются», либо активно «помогают». Языческие боги появляются по мере удаления Игоря от «отня стола», и их влияния на путь Игоря, по сути, нет. Более того, эти образы несут в себе совершенно очевидное отрицательное значение. Следует отметить явную,

заложенную в эти образы, семантику зла. «Ветры, Стрибожьи внуци» появляются

235

только после того, как «Русская земля скрылась за холмом». Словосочетание «достояние Дажьбожиего внука» связывается с именем Олега Гориславича, того, кто усобицу сеял на русской земле. А тех, кого в начале похода именуют воинами, дружиной, великими русичами, русскими полками, уже *после* поражения называют «войсками Дажьбожа внука». И дева Обида вступает на землю, которая *из-за усобиц* стала опять «землей Трояна», по этой же причине и неведомые Карна и Желя поскакали по русской земле, символизируя плач и горе. Проявления своей воли у этих существ нет. Скорее, это символическое выражение духовного состояния русской земли, оказавшейся в неволе не столько у половцев (это результат), сколько у своеволия князей, сказавших «с мое, а то мое же». Этим подтверждается характерный для христианства взгляд на скорби и беды как результат, прежде всего, собственных прегрешений, неверного выбора, жизни по своей, а значит по чужой, враждебной человеку воле.

О смысле финала сказал И. А. Есаулов, подчеркнув духовный смысл возвращения Игоря из плена к всеобщим ценностям, главная из которых — душа и ее спасение в вечности, что, по мысли исследователя, для автора «иерархически важнее земной военной неудачи и в высшей степени достойно прославления»¹⁷. И место возвращения столь же знаково и ценностно наполнено, как и все в этом произведении: к церкви Богородицы Пирогощей, в Киев, к старшему брату.

Финал раскрывает нам смысл воли Божией и в отношении к личности, и в отношении к русской земле; и в историческом, и в трансисторическом смысле; и на

уровне сюжета, и на уровне метасюжета — Блудного сына, возвращающегося в отчий дом.

Таким образом, семантика воли, проявляющая себя в сюжетном развитии «Слова о полку Игореве», в своих ценностных координатах, в своем онтологическом смысле совпадает со смысловым содержанием слова *воля*, закрепленном в Священном Предании, находится в его аксиологическом поле, включает в себя его иерархию ценностей. «Слово» так же теоцентрично, как и вся древнерусская книжность. И потому взгляд автора обладает вневременным уровнем, конкретно-исторический сюжет «опрокинут» в вечность, которая не абстрактна, не некий «Абсолют» или «космос»,

¹⁷ См. об этом: *Есаулов И. А.* Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1995. С. 33—44.

236

но конкретна: это отчий дом, или Царствие Небесное, утверждение и обретение которого совершается в моменты волевого самоопределения человека. Автором создается христианская картина мира, что явлено не столько во внешнем присутствии христианских знаков, но в аксиологическом пространстве текста, несомненно, организованном идеей Спасения в христианском ее значении.

«Капитанскую дочку» от «Слова о полку Игореве» отделяет восемь веков. В повести А. С. Пушкина, по общему устоявшемуся мнению, тоже нашло свое выражение национальное эпическое сознание, представлена «доподлинная народная эпопея»¹⁸. Это значит, что оба произведения, относимые всеми к одной национальной традиции, должны принадлежать и единому духовному контексту, включать его в себя. М. Ф. Мурьянов, известный отечественный медиевист,

призывал для выявления глубинной связи творчества А. С. Пушкина с русской почвой обратиться к опыту медиевистики¹⁹. В этом смысле сравнение со «Словом о полку Игореве» является перспективным и обоснованным. Известно, что Пушкин в последние годы особенно интересуется древнерусским периодом, переводя и публикуя в «Современнике» древнерусские жития, и проявляет большой интерес к «Слову о полку Игореве», перевод которого он начал, но не завершил. К тому же, что отмечает большинство исследователей позднего его творчества, в 1830-е годы в нем произошли большие внутренние перемены. Как пишет И. З. Сурат, «идея христианского пути стала приобретать для него личное значение», «как путь от грехов и заблуждений к личному спасению», и, таким образом, «идея спасения в религиозном ее понимании вошла в жизнь и поэзию Пушкина»²⁰. И, конечно, не могла не войти и в итоговое произведение Пушкина.

То, что идея спасения в повести определяет сюжетный рисунок Петра Гринева, ни у кого не вызывает сомнений. Вопрос заключается в ее трактовке, так как большинством эта идея понимается в буквальном смысле спасения героя от физической гибели и не связывается с вопросом о воле героя.

В сюжетном движении Гринева *воля* занимает центральное положение, соотносится с понятиями *свободы, насилия*,

¹⁸ История русской литературы: В 4 т. Т. 2. Л., 1981. С. 311.

¹⁹ Мурьянов М. Ф. Из символов и аллегорий Пушкина. М., 1996. С. 4.

²⁰ Сурат И. З. Два сюжета поздней лирики Пушкина // Московский пушкинист ГУ. М., 1997. С. 55, 57.

власти, плена и встречается в нескольких значениях. Основные из них — *широты, безграничности пространства* (широкие поля, степь); *власти, силы, своеволия* как *внутренней стихии*, собственно «силы» души, которую герой направляет к действию в соответствии с выбранными им ценностями²¹.

Ценностное пространство повести организовано по принципу смысловых оппозиций: «правда — ложь»; царь — лжецарь (самозванец); отец — лжеотец; благословение истинное и ложное; служба истинная и ложная; честь истинная (исполнение долга) и ложная (дуэль) и т. д. В системе этих оппозиций и самоопределяются герои.

О том, что движение сюжета «Капитанской дочери» во внутреннем, глубинном его плане организовано **идеей спасения** в христианском значении этого слова как спасения души в вечности, уже сказал И. А. Есаулов²², не развивая подробно системы доказательств. Само наличие этой идеи в произведении указывает на присутствие в тексте сакральных сфер, каждый герой находится в известной системе координат, характеризующей христианскую картину мира: время — вечность, ад — рай, спасение — гибель. Спасение же осуществляется при условии взаимной активности: воли человека спастись и воли Промыслительной силы. С этой точки зрения и следует рассматривать путь героя на уровнях конкретно-историческом и духовном.

Путь Петра Гринева, как на это было указано не раз, организован идеей становления личности, самоопределения в мире. «Личность» в наше время часто понимается как «индивидуальность», как выражение идеи отделенности,

²¹ В словарях выделяются в качестве основных такие значения слова *воля*, как «произвол действия; свобода, отсутствие неволи;

власть или сила, право; желанье, стремление, хотенье, похоть, вся нравственная половина человеческого духа; независимость, свобода, неподвластность, простор в действиях; самоволие...», а также как «одно из свойств человеческой психики, выражающееся в способности добиваться осуществления поставленных перед собой целей». В. Н. Топоров связывает понятие *воля* с русским словом *пространство*, указывая, что оно «апеллирует к таким смыслам, как *«вперед, вишь, вовне, открытость, воля»*. См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1. М., 1955. С. 238; Словарь русского языка: В 4 т. Т. 1. М., 1981. С. 209; Топоров В. Н. Пространство // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. М., 1992. С. 341.

²²См.: Есаулов И. А. Соборное начало в поэтике Пушкина («Капитанская дочка») // Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. С. 45—60.

238

непохожести на других. В традиции же, сохраняющейся Священным Преданием, первичным является его противоположное значение, и оно напрямую связано с вопросом о воле. По мысли В. Н. Лосского, «личность есть то, что от природы отлично... а человек, определяемый своей природой, действующий в силу своего "характера", наименее личен». Воля же, как было сказано выше, есть «действенная сила разумной природы», ее функция и, следовательно, человеческая ипостась может осуществляться только в отказе от собственной воли»²³.

На наш взгляд, Гринев как литературный характер совершает свой путь к *обретению личности* именно в таком, христианском, значении этого слова. Можно утверждать, что основой его сюжетного рисунка становится преодоление своей воли на пути постижения, что есть смирение перед волей Высшей. Пушкин создает сюжетный рисунок по **принципу синергии** — направленности воле друг друга, но при этом сосредоточивает свое внимание именно на воле

благодатной: помощи Промысла, который являет себя в виде случая, в обстоятельствах неожиданных и в этом смысле чудесных.

Почему и когда является Гриневу спасительный случай? Рассмотрение логики сюжетного рисунка Гринева позволяет отметить: в ситуациях, когда он переживает момент внутреннего смирения.

Схема движения Гринева такова: хотение (желание) — внешний путь в соответствии с направленностью своей воли — трудные обстоятельства — смирение (в зависимости от обстоятельств оно проявляется либо в форме покаяния, чувстве стыда, либо в форме молитвы — просьбы к Богу) — помощь Провидения в виде случая.

Напомним схему пути князя Игоря в «Слове о полку Игореве»: хотение — внешний путь и первая победа — поражение, плен — смирение — помощь — возвращение. Таким образом, воплощен притчевый путь блудного сына.

Сходство сюжетной схемы этих двух главных героев налицо. Но в рисунке пути Гринева эта схема повторяется многократно. Он движется по спирали от искушения к испытаниям, в которых проверяется и утверждается его волевая направленность и путь от своеволия к смирению. Неизменным в Гриневе остается всегда его искренность, чистота сердца, отсутствие лукавства (если не считать детских

²³ Лосский В. Н. Указ. соч. С. 91—93.

хитростей). Потому и сюжет движется по схеме «возвращения».

Рассмотрим соотношение воли «обстоятельств» и воли Гринева, более подробно остановившись на начальном этапе его пути.

Само начало являет «волю» обстоятельством: еще не родившись, герой помещается в ценностное пространство патриархального дворянского уклада, начиная «служить» еще в утробе своей матери. Тем самым местоположение в социальной сфере предопределено, обстоятельства герою «даны», но их выбор еще не состоялся, и поэтому весь последующий путь Гринева движется к свободному и согласному принятию. Уже в данных обстоятельствах он должен самоопределяться. И оказываются возможными, например, два варианта «службы»: либо «по-гусарски» в Петербурге, воспринимаемом героем как пространство для своеволия, где можно «мотать да повесничать» и стать «не солдатом, а шаматоном»²⁴, либо становиться солдатом в условиях внешней несвободы отдаленной крепости. Неслучайно первое его восприятие Белгородской крепости связано с образом тюрьмы: «...вот в какой стороне осужден я был провести свою молодость» (С. 419), и причину этой своей «неволи» он видит в обстоятельствах, сложившихся еще до рождения:

...к чему послужило мне то, что уже в утробе матери я был гвардии сержантом! Куда это меня завело?.., в глухую крепость на границу киргиз-кайсацких степей!.. (С. 415)

Период детства вплоть до судьбоносного решения отца маркируется словом «недоросль». Это время безвинного и безответственного своеволия в отеческом лоне, когда детское желание «своей воли», неразрешенных хотений ограничено пространством семьи и безопасно под родительским кровом. В этот период Гринев еще неосознанно находится в духовно-нравственном пространстве «отечества», в «отчем доме», и внутренне он стремится за его пределы. Так уже здесь главный архетипический сюжет является как возможность и проверяется последовательностью развития действия. Отношения таковы: *отец*, заявляющий свою волю,

согласную с традицией, — *сын*, рвущийся на волю от отца и матери, то есть из *дома*. И сын действительно покидает

²⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 6. М., 1967. С. 397. Далее цитаты будут приведены по этому изданию с указанием в тексте номера страницы.

240

это пространство. При том что внешне он подчиняется отцовскому решению, внутренне с ним не согласен, почему и происходит разделение пути героя на внешний и внутренний, причем именно второй предопределяет возникающие искушения. С этого момента внутреннего выбора Петра Гринева, отправляющегося в путь, начинается развитие сюжет искушения, оборачивающийся испытанием, из которого героя уже выводит случай.

Гринева проходит испытание свободой, о которой он мечтает, во встрече с Зуриным в трактире — и оказывается в «плену» у своих желаний, впервые познавая их губительность для человеческой свободы. Возвращение из этой «страны далече» совершается быстро — в чувстве стыда за свое поведение. Но желание вырваться на волю отнюдь не покидает героя, предопределяя последующие испытания:

...хотел вырваться на волю и доказать, что я уже не ребенок (С. 403).

Эпиграф второй главы «Вожатый» идет буквально вслед за приведенными словами, характеризующими внутренний выбор героя, и очень важен с точки зрения идеи воли:

Сторона ль моя сторонушка,
Сторона незнакомая!
Что не сам ли я на тебя зашел,

Что не добрый ли да меня конь завез:
Завезла меня, доброго молодца,
Прытость, бодрость молодецкая,
И хмелинушка кабацкая.
(С. 404)

В центре этой «старинной песни» — драма своеволия; дана картина внутреннего раздвоенного состояния человека в условиях подчиненности своему желанию: «...не сам я... а прытость да хмелинушка», когда личность отделяет себя от ценностно плохого качества своей природы — «прытости» да «хмелинушки»

Последующий сюжетный фрагмент — в дороге — характеризуется доминирующим стремлением к своеволию («охота было не слушаться», С. 406), что непременно приводит к какого-либо рода «пленению» с угрозой самой жизни: буря, ранение, плен у Пугачева, когда обстоятельства не зависят от воли самого героя и остается только свобода во внутреннем пространстве, а именно на уровне сердца. Оно-то, сердце, и спасает положение. Способность к признанию своей вины, выраженная в словах «Савельич был прав...» (С. 406), и смирение, выразившее себя в формуле «делать

241

было нечего...» (С. 406), «я уже решился, предав себя воле Божией, ночевать посреди степи» (С. 407), открывают возможность действию Промысла, который часто обозначается словом Случай. Здесь следует остановиться на концепции Случая в художественном мире Пушкина, о чем критика уже высказывалась. Так, Б. М. Бетеа считает, что «для Пушкина — *случайность* является основой истории вообще, в особенности истории русской»²⁶ и приводит в доказательство своей мысли цитату из рецензии Пушкина на «Историю русского народа». Обратимся к ней и мы:

...не говорите: иначе нельзя быть. Коли было б это правда, то историк был бы астрономом, и события жизни человечества были бы предсказаны в календарях, как солнечные затмения. Но Провидение не алгебра. Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокие предположения, часто оправданные временем, не невозможно ему предвидеть *случая — мощного орудия Провидения* (выделено мной. — Л. Д.)²⁶.

Последние слова главные. Мысль высказана ясно и точно: случай — орудие Провидения, и в контексте повести смысл слова «случай» часто выражает идею Провидения.

Действие последнего в повести в виде «странного сцепления обстоятельств» (С. 471) проявляется в ключевые сюжетные моменты: встреча в буране с незнакомцем — Пугачевым; счастливое избавление от смерти на виселице; неожиданное предложение освободить Машу из швабринского плена; счастливая встреча Маши с императрицей и т. д. При этом часто подобные события сопровождаются словосочетаниями: «странное стечение обстоятельств» (С. 505), «чудные обстоятельства» (С. 515). Складывается впечатление, что сюжетное развитие само корректирует выбор героя, обстоятельства его ведут, как будто у него *нет воли*. Присутствует и мотив чуда.

Следует отметить и то, что в повести Провидение как активная личная сила, изменяющая обстоятельства, проявляет себя только при определенных условиях. Однозначно оно всегда направлено к герою, но действие его разное. Одно условие мы указали. Это факт внутреннего смирения, будь то отказ от собственного «хотения», момент покаяния (стыда за совершенный поступок), или молитва

²⁵ Бетеа Д. М. Славянское дарение, поэт в истории и «Капитанская дочка» Пушкина // Автор и текст. СПб., 1996. С. 145.

²⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1977—1979. Т. VII. С. 100.

242

к Богу в трудных обстоятельствах. Но в «Капитанской дочке» есть еще одно проявление промыслительного участия Высшей воли в судьбе героя, причем совсем нелогичное, но раскрывающее глубокий смысл идеи милости — одной из главных идей произведения. Мы имеем в виду помощь как бы «недолжную», в условиях именно *своевольного* поведения героя. Выше мы говорили о своевольных поступках, приводящих к каким-либо бедствиям. Они были вызваны желанием Петруши самоутвердиться, доказать свою «взрослость», то есть установкой на ложные ценности, каковыми являются «гусарство», дуэль, служба «по-зурински». Но вот поступок, который тоже мог бы привести героя к гибели: Гринев весьма своевольно покидает Оренбург для того, чтобы спасти Машу из рук Швабрина. Тем самым он нарушает воинский закон, чего по правилам военного времени нельзя оправдать сердечными стремлениями героя к своей любимой. Автор и не ставит задачи его оправдать, как впоследствии от самооправдания отказывается и герой. Но при этом мы наблюдаем, как обстоятельства, в которые он попадает по причине своеволия и в которых может погибнуть, на самом деле чудесно ему помогают в его сердечных делах. В данном случае действия Провидения идут явно против воинского закона и против логики человеческой, при том что верность присяге, соблюдение которой — дело истинной чести, остается в повести незыблемой и утверждается всем ходом повествования. И здесь действуют уже не прагматические связи, а духовные силы, направляющие

обстоятельства и исправляющие то, что совершает герой с точки зрения закона неверно. Объяснимо это отношение со стороны Провидения только одним — жертвенной любовью героя, который оказался перед выбором: или нарушить воинскую дисциплину (об измене присяге речи не идет), или обречь на гибель беззащитную сироту, которую к тому же он любит и уже видит своей женой. При этом Гринев, несомненно, поступает с точки зрения логики Андрея Карловича, генерала Оренбургской крепости, неблагоприятно, отправляясь в стан врага в одиночку (так же «неблагоприятно» поступает и верный Савельич, отправляясь с ним в этот опасный путь). Противоречие между законом юридическим и законом любящего сердца Гринев не мог разрешить иначе, как нарушив один из них, при этом сознательно рискуя своей жизнью. Но в системе христианских ценностей одной из самых главных является именно идея жертвенной любви, это **истинная**

243

ценность. Поэтому Провидение с помощью случая хранит героя, проводя его через все западни, сохраняя его жизнь на сложных витках судьбы и в конце даруя счастье. Можно говорить о явной любви к Гриневу со стороны Провидения, не оставляющего его на протяжении всего произведения и всегда чудесным образом спасающего в самых трудных и неразрешимых обстоятельствах. Чудеса, как известно, и есть нарушение «нормальной» логики поступков, чувств героя и развития событий. Все «глупости молодого человека» покрываются любовью Бога и исправляются. И причина здесь — **сердце** героя, движения которого особенно важны. В словесном употреблении слово «сердце» наиболее частотно. Именно оно является источником мотивов, дел, поступков, а значит, и основным двигателем развития сюжетной линии

героя. Гринев при всей своей порывистости, горячности всегда остается с чистым сердцем. Здесь следует сказать о системе ценностей Петра Гринева, путь которого, напомним, организован идеей становления личности и самоопределения в мире. Личность же измеряется степенью отказа от *своей* эгоистической воли ради высших ценностей. Произошел ли этот «отказ» в сознании и поведении Гринева? Можно ли говорить о сложившейся, осознанно утверждаемой им в финале событий иерархии ценностей, и какова она?

Обратимся к тексту произведения. Каждый диалог Гринева с Пугачевым содержит в себе проблему ценностного выбора. При этом каждый раз герой находится чуть ли не между жизнью и смертью, что усиливает весомость сказанного. Тем более важны слова Гринева, произнесенные им во время последней их встречи, когда, прощаясь со своим страшным «благодетелем», он по сути дела формулирует свою иерархию ценностей, которая и определяла его поведение в главные, судьбоносные моменты жизни. Мы в этой сцене наблюдаем действительно момент самоопределения личности. Приведем полностью его слова, помня, что незадолго до этого в предыдущем диалоге Пугачев предложил Гринеvu перейти к нему на службу:

«Слушай, — продолжал я, видя его доброе расположение. — Как тебя назвать, не знаю, да и знать не хочу... Но Бог видит, что **жизнию** моей рад бы я заплатить тебе за то, что ты для меня сделал. Только не требуй того, что противно **чести** моей и **христианской совести**. Ты мой благодетель. Доверши, как начал: отпусти меня с бедной сиротою, куда нам Бог путь укажет. А мы, где бы ты ни был и что бы с тобою

244

ни случилось, каждый день будем Бога молить о **спасении**

грешной твоей души...» (С. 513).

Со всей очевидностью выстраивается иерархия ценностей героя, если распределить выделенные слова по степени их значимости. И тогда жизнь становится категорией подчиненной по отношению к остальным, а понятие души оказывается ценностно наиболее значимым. По сути, душа здесь и есть главная ценность; ради ее спасения надо хранить свою честь и совесть и молиться Богу о спасении другой *души грешной* (а именно этими словами Гринев определяет состояние души Пугачева). Так **идея спасения души** организует путь героя и его иерархию ценностей и указывает на теоцентрическую картину мира, воплощенную в произведении, когда есть время земное и вечность, история и бытие, пространство земное и небесное. Событие в такой картине мира может быть фактом соединения двух реальностей — видимой и невидимой (действие Промысла в виде случая), и поступки могут мотивироваться сугубо духовными причинами (идеей спасения) и выражать духовный выбор героя.

Таким образом, перед нами путь героя, сюжетный рисунок которого соответствует схеме провиденциального сюжета, развивающегося по принципу синергии — взаимонаправленности воле друг друга к одной цели — спасения души. Важной чертой подобного типа сюжета является присутствие в самом начале повествования в какой-либо сжатой повествовательной форме — цитате, символе или сне — предсказания будущих событий или их духовное осмысление, что предполагает известные последствия. Такова функция отцовского наказа, роль сна Гринева. Можно также говорить о притчевости сюжета «Капитанской дочки», так как утверждаются ценности, заявленные в самом начале повести.

Сюжетный рисунок Гринева составляет «преодоление своеволия», но не по принципу «лестницы», то есть духовного восхождения, а по схеме *искушения*, что составляет доминанту первого этапа его пути — до смерти Мироновых — и *испытания*, что является доминантой последующего пути. Цель же автора, если следовать логике развития сюжета, — утверждение героя в традиционных, патриархальных, православных по своему содержанию ценностях, являющихся основой и «Слова о полку Игореве».

Несомненно, гений Пушкина складывался или, вернее, вполне осуществился благодаря его глубокой внутренней

245

связи с православием, благодаря усвоению тех традиций, которые вот уже тысячелетие питают русскую культуру. В последнем своем творении он осмысливает все, что является объектом его изображения, в духовном, религиозном контексте. Изучение сюжетного пути главных героев двух гениальных произведений, «Слова о полку Игореве» неведомого автора и «Капитанской дочке» А. С. Пушкина, позволяет говорить об их несомненном сходстве. Ценностное пространство этих произведений организовано идеей спасения, архетипическую основу сюжетного пути главных героев в обоих произведениях составляет евангельская притча о блудном сыне, тип сюжета имеет черты провиденциального. Понятие *воли* как в «Слове», так и в «Капитанской дочке» (при всем имеющемся в повести разнообразии смыслов) раскрывается авторами в соответствии с основным, закрепленным в Священном Предании значением. Взгляд же автора, как и в древнерусской литературе, направлен на героя с точки зрения Истины, которая для Пушкина есть «факт Бытия, а не точка зрения на Бытие»²⁷.

Все это позволяет говорить о принадлежности обоих произведений к одной культурной традиции, к одному, православному в своем основании, духовному пространству, несущему в себе константные для русской культуры ценности.

²⁷ *Новикова М.* Пушкинский космос. Языческая и христианская традиции в творчестве Пушкина. М., 1995. С. 10.